

Маргарита
Южина

Портрет супруги слесаря

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Маргарита Южина
Портрет супруги слесаря
Серия «Ирония любви»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=643745
Портрет супруги слесаря: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-50500-5

Аннотация

Жили-были почтенные и не очень молодые супруги Валентина Адамовна и Мефодий Сидорович. Мефодий Сидорович трудился слесарем, а Валентина Адамовна торговала на рынке соленьями и воспитывала вздорную собачонку Боню.

Как-то раз решил Мефодий Сидорович, что не хочет он быть слесарем, а хочет быть – художником.

Теперь у него началась другая жизнь – краски, холсты, поклонники и... поклонницы.

Что ж, придется Валентине Адамовне побороться за свое счастье. А в борьбе, как известно, все средства хороши!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Маргарита Южина

Портрет супруги слесаря

Глава 1

– А-а!!! – раздался в комнате вопль, похожий на предсмертный клич старой вороны.

– Мама! Что случилось?! – кинулась из кухни в комнату молодая женщина с полотенцем в руках. – Вам плохо?

– А с чего это мне будет хорошо?! – рыкнула на нее свекровь, нацеловывая маленькую кудрявую болонку с огромным бантом в блестящий горох. – Ты чуть не лишила меня жизни, негодница! Девочка моя, нас с тобой хотели убить... Тебе хотели прищемить хвост, а я бы и так умерла, без всякого хвоста...

– Мама! Ну что вы такое говорите!

– Марья! – не давала вставить слова невестке пышная, милостивая женщина. – Я тебе триста раз говорила – трепетнее относиться к своим близким! Вот сейчас ты чуть не придавила Бонике хвост! Это о чем надо думать, чтобы не заметить такой хвост! Мы ж на нем только сегодня сделали прическу... Да, моя девочка? Не бойся, мама не даст свою девочку в обиду...

– Кто б сомневался, – вздохнула на кухне невестка. – Ма-

ма! Так вы сейчас будете ужинать или мы подождем мужчин?
– Семеро одного не ждут, – вливалась уже в кухню Валентина Адамовна, неся на руках вертлявую Бонику. – А у нас режим!

– Почему же семеро одного? – не сразу поняла невестка. – Мужчин у нас двое – Володя и Мефодий Сидорович, да и нас двое – вы да я.

– Да? А мои... считай давай: желудок еды просит – раз, печень – два, почки – три, щитовидная железа... И это я тебе еще кишечный тракт не перечисляю. У них режим! И они слышать ничего не хотят про всякие твои расчеты! Накладывай!

Маша только тихонько дернула бровями, но беспреслововно стала наполнять тарелку свекрови. Они с Володей уже месяц делали капитальный ремонт в своей квартире, и родители мужа любезно приняли их у себя на некоторое время. И поскольку в чужой монастырь со своим уставом ходить не принято, Маша стойко пыталась переносить некоторые странности любимой свекрови. Вот и сейчас... Ну хочет она есть одна – кто ж ей мешает?

Она уже хотела позвать свекровь к столу, но позвонили в дверь.

– Я сама открою, не отвлекайся! – крикнула из комнаты Валентина Адамовна, забрякала ключами, и Маша услышала ее недовольный голос: – До свиданья! Куда ты прешься?! Я уже попрощалась! И не ходи сюда больше! А то ведь не

побоюсь и сковородкой пройти! Ногу убери, а то сейчас как крикну соседей! Люди добрые! Да что ж... Вот так бы и давно...

Маша еще не поняла, что случилось, а свекровь уже вошла в кухню, уселась на стул и кивнула на Машину пустую тарелку:

– А сама чего же?

– Я Володю подожду.

– С чего бы это? – ехидно прищурилась свекровь. – Хочешь на мне проверить, вкусно или нет, да?

– Да с чего вы взяли? Просто ему со мной веселее, чего ж он один будет есть?

– Почему один? Он с отцом ужинать будет или ты Мефодия Сидоровича вообще за мыслящую единицу не считаешь?

Маша воздела глаза к потолку, посчитала мысленно до десяти и постаралась вежливо отговориться:

– Вы ужинайте, а я пойду, цветочки полью, а то они... Чего-то вянут и вянут... – И она вышла из кухни.

– Х-х, – фыркнула Валентина Адамовна. – Чего б им не вянуть, правда, Боника? Если ты их по седьмому разу с подоконников скидываешь... Боника! Не грызи мамин палец. Я сказала, фу! Боника, фу! Это не сосиска. Это мой маникюр. Я сказала... А если мама по попе надает? Боника, а если...

В прихожей раздался звонок, маленькая собачонка слетела с колен хозяйки, бросилась к дверям и буквально захлеб-

нулась негодующим лаем. Вслед за любимицей к дверям подалась и хозяйка.

– Кого там несет? Ведь не успеешь за стол сесть... Сыно-очек! – тут же запела мать, кидаясь снимать с любимого сына куртку. – И прямо к ужину! А я ведь сижу – жду тебя, жду, прям кусок в горло не лезет... Боника, отойди от Вовы, а то он тебе лапку отдавит, тот еще бугай... Вовочка...

– Мам, да отпусти ты куртку, дай я сам разденусь. Маш, повесь, – пытался раздеться и хоть как-то продвинуться в комнату Владимир. – Мама, я сам.

– Ну, мне ж не трудно. Я и сама тебя раздену. Марья, а тебя чего принесло? Иди уже, хорони свои цветочки. И еще там под шкафом один в разбитом горшке, я убрать не успела...

Маша охнула и побежала прощаться с погибшей растительностью, а Валентина Адамовна подалась кормить сына.

Через пять минут за столом собралась почти вся семья. Не было только Мефодия Сидоровича, но его жену это беспокоило не сильно.

– А кто это приготовил? – удивлялся сын. – Мам, неужели ты? Так вкусно!

– Бонечка! А что это ты в окошко уставилась? – незаметно перевела разговор в другое русло Валентина Адамовна. – Кого это ты там увидела? Этого дворового кобеля Дюшку? Даже не смотри на него... А мама говорит, не смотри! Ты на кого сейчас так «гав» сделала? Ты мамочку хочешь проме-

нять на это чудовище? Ты...

– Мам, – не выдержал Владимир. – Ты б вот так об отце пеклась, как о своей Бонике.

– Вот уж точно, – кивнула невестка. – Времени уже вон сколько, а его еще дома нет. И вы даже волноваться не подумали.

Валентина Адамовна выпучила глаза.

– А чего волноваться-то? Он что, малое дитя, сам до дому не доберется? Глупости какие! Я сколько раз по телевизору видела – если что-то случается, так сразу домой звонят и сообщают о происшествии, а уж тогда и волнуйся, сколько тебе вздумается.

– Хм... – хитренько прищурилась Маша. – А если не происшествие? Если... Ну мало ли – интересный мужчина приглянулся какой-нибудь приятной женщине и... И не смог удержаться? Кто вам об этом сообщит?

– Вовочка, – обернулась Валентина Адамовна к сыну. – Ты б свою жену хоть капустой морской кормил, что ли? Может, хоть тогда у ней ума прибавится. Что несет эта девочка? Маша! Кому может приглянуться немощный, наполовину лысый сантехник, а? К тому же... с обременением... со мной. Сама-то чего-то не на Мефодия клюнула, а на Володю вон!

– Так потому что я...

– Потому что он! Потому что он молодой, красивый и работает бригадиром! – перебила ее свекровь. – А вот все

твои... Да вон он, наш Казанова. Явился.

В дверь позвонили, и Боника принялась ошалело тявкать. Очень скоро лай перешел в нетерпеливое повизгивание. Это было верной приметой – пришел Мефодий.

– Моня! Ну и где тебя носит? Мы уже почти весь ужин без тебя осилили! – накинулась на супруга нежная жена, как только тот переступил порог.

Моня чувствовал себя крайне виноватым. По поводу ужина ли или еще по какой причине, щуплый отец семейства прятал глаза, излишне суетился, как-то слишком долго раздевался и старательно вешал свою куртку под одежду сына. За всеми этими манипуляциями терпеливо наблюдала Валентина Адамовна, скрестив на пышной груди полные руки.

– Руки мыть! – коротко приказала она. – Ужин стынет!

– Да, Валюша, уже бегу, – кивнул супруг, заскочил в ванную и щелкнул замком.

Нимало не смущаясь, Валентина тут же вытащила куртку мужа и запустила руки в его карманы.

– Что-то ты больно пришибленный, дружок, – ворчала она себе под нос. – Наверняка заработал денюжку, да еще не успел от меня заначку спрятать... Боника, счастье мое, не крутись под ногами. Боника, мама сказала... Маша! Иди сюда, тут Бонечка в твои сапоги написала! Бонечка, мама жутко сердится, учти... Что ж у нас тут припрятано?

В прихожую выскочила Маша и... и забыла, что хотела сказать. Валентина вытягивала из кармана «пришибленно-

го дружка» новенький кокетливый бюстгальтер, отделанный рюшами и кружевами.

– Ах... – прикрыла рот ладошкой Маша. – Какой у-у-ужас...

Вот сейчас бы самое время напомнить свекрови их разговор про «немощного, лысого сантехника с обременением», но разве можно добивать несчастную женщину?

– Ты посмотри... – повернулась к ней Валентина Адамовна. – Ведь что делает, пар-разит, а?

Маша со слезами на глазах только молчаливо кивала головой – как еще поддержать бедняжку, она не знала.

– И ведь сколько раз я ему, негоднику, говорила! – распалась та. – Ну не знаешь ты моего размера, какого ж хрена деньги на ветер бросать! Ты принеси их мне, в руки дай, а уж я сама куплю себе, что надо. У меня ж этих лифчиков... хоть в три ряда носи! Нет, он еще дарит! Ну не дурень ли, а?!

У Маши высохли слезы. Она теперь и вовсе ничего не понимала.

– А... это, вы думаете, он вам? – растерянно тыкала она пальчиком в тонкое кружево.

– А кому? – устало выдохнула свекровь. – Уж не себе, поверь мне. Ну, ты ж посмотри, куда я это расточительство напялю? Это ж... – Валентина Адамовна приложила лифчик к своей необъятной груди. – Это ж мне только в кармане его носить. И, главное, спрятал. Ох уж эти мне мужики, ну никак не умеют барышне приятное сделать...

В это время из ванной тихонько вышел Мефодий Сидорович и хотел незаметно проскользнуть к столу. Проскользнуть не получилось.

– А поди сюда, доморощенный Абрамович! – как-то неласково позвала супруга из прихожей.

Мефодий Сидорович еще больше втянул голову в плечи и затрусил на зов.

– Ты зачем это купил? – сунула мужчине в нос новенький бюстгальтер Валентина Адамовна. – Ты хочешь меня по миру пустить, я правильно поняла?

Мужчина потел, краснел, отводил глаза в сторону и никак не мог придумать, что ответить.

– А мамочка снова интересуется! – добавила металла в голос Валентина.

– Мне Николай посоветовал... Сказал, что ты обрадуешься, – выдавил из себя Мефодий Сидорович.

Николай был другом Мефодия Сидоровича. Они вместе трудились на ниве сантехники, помогали друг другу советами и часто рассуждали на интеллектуальные темы. В отличие от Мефодия Сидоровича Николай семьи не имел, зато имел кучу свободного времени. Но как-то так получилось, что в гости Николая еще ни разу не приглашали – Валентина не могла представить, чтобы ее муж смотрел на кого-то, раскрыв рот, когда рядом такая умная жена. Достаточно и того, что этот Николай у мужа с языка не слезает.

– Тебе посоветовал Николай?! Что он может посовето-

вать?! От него уже жена ушла, теперь он тебе советует?! – возмущалась Валентина Адамовна. – На кой черт ты приволок в дом это изделие для лилипутов? Зачем ты покупаешь мне все эти кружевные недоделки? Такую уйму денег выкинуть на такое убожество!

– Мама! Ну что вы такое говорите! – возмутилась Маша. – Это же очень красивый бюстгальтер. И фирма хорошая. Он же стоит, наверное, тысячи полторы!

– Всего четыреста рублей, – поспешно откашлялся Мефодий Сидорович.

– Всего?! – чуть не потеряла равновесие Валентина Адамовна. – Всего четыреста? Да я на такие деньжищи... Моня! Ты сам себе выбрал наказание. Ближайшие полтора месяца ты не подойдешь к телевизору! Четыреста рублей – это как раз столько мы платим за свет за полтора месяца. Ты будешь смотреть на свой подарок.

Отца решил выручить сын.

– Мам, давай так... – порылся он у себя в кармане и вытащил кошелек. – Вот тебе деньги и давай забудем про все подарки.

– Позволь, но... – еще не могла успокоиться мать. – Ты мог мне и так...

– Пап, пойдем за стол, – потащил отца к столу Володя. – Маша, убери этот лифчик с глаз долой.

В семье снова воцарились мир и согласие, только Валентина Адамовна нет-нет да и бросала на супруга гневные

взгляды. Однако Мефодий Сидорович старательно не обращал на них никакого внимания.

Утром следующего дня к местному рыночку возле остановки спешила дама. Дама была наряжена в красное пальто с черно-бурой лисой, в норковую шляпу с блестящим цветком и в сапоги на каблуках. Следом за собой яркая женщина тащила большую сумку на колесиках – дама шла торговать.

Года два назад Валентина Адамовна решила «заняться бизнесом» и стала продавать соленья. Нельзя сказать, что это как-то существенно повлияло на семейный бюджет, зато в душе у Валентины поселилось твердое убеждение, что именно она основной кормилец, и главное – у нее появились коллеги по цеху! Валентина могла теперь спокойно диктовать рецепты засолки капусты, огурцов и правила поведения с мужьями. «Коллеги» слушали, кивали и даже иногда записывали все, что говорила эта умная женщина.

Прибыв к своему месту и устроившись на складном стульчике, Валентина Адамовна принялась раскладывать свою продукцию на ящике.

– Девушки, – важно повертела она головой. – А мой-то вчера чего учудил. Подарок мне преподнес, негодяй эдакий. «Девушки» раскрыли рты и приготовились внимать.

– Купил мне вчера... интимность, – продолжала удивлять Валентина Адамовна. – И ведь, охальник такой, даже меня не предупредил!

– Валь, а чего за интимность-то? – не выдержала женщина, торгующая семечками. – Ночнушку, что ли? Или пижаму?

– Ты, Михална, от жизни отстала, – отозвалась «девушка» лет восьмидесяти, торгующая вязаными носками. – Чтой-то за интимность такая – пижама? Небось виагру какую в дом приволок, прости, господи. Точно, Адамовна?

– Ой, ну что вы такое говорите? – возмущенно вытаращилась Валентина. – Мой Моня и слов таких не знает. Да и зачем это? Сразу видно, не дарили вам мужья подарков уже лет двадцать. Вы на это обратите внимание, я потом расскажу вам, как подарки требовать. Мой-то мне вчера лифчик подарил!

– Покажи! – не удержалась Михална. – Неужто лифчик? Сам покупал?

– Михална! – ошарашенно посмотрела на нее Валентина. – Ты чего говоришь-то? На улице пятнадцать градусов, а я тебе до пупа раздеваться буду? Говорю же, подарил!

Женщин и в самом деле мужья нечасто баловали подарками вот так, без повода, да еще и такими. Поэтому глаза у них заблестели от любопытства.

– А мой вот все эти отделы с бельем всегда рысью пробегает, – вздохнула молоденькая Наташа. – Да и не разбирается он в размерах, чего он там купит.

– И мой не разбирается, – важно дернула бровью Валентина. – И все же постарался. Не угадал, конечно. Там чашеч-

ки-то... с ранетку величиной. Но... я уж сильно не стала ругаться, все же хотел мне сделать приятное... Ой, девчонки, признаюсь, сначала, когда вытащила эту прелесть у него из кармана, хотела разорвать прямо! А потом... вспомнила советы психологов, передачи про здоровье и... взяла себя в руки.

Восьмидесятилетняя бабушка фыркнула:

– А я б, коль такую красоту у своего деда из кармана выудила, точно б разорвала его, паразита такого! И вспоминать бы ничего не стала. Прямо так бы калекой и сделала!

– О-о-ой, Павлина Марковна, – потянулась Валентина. – Нельзя так... Поэтому ваш старик и не дарит вам ничего. Не хочет.

– И твой не хотел, – хитро прищурилась Павлина Марковна. – Чегой-то он подарки в карманах таскать будет? Это он у какой-то красавицы был да принадлежность ейную забыл выкласть из карманов-то. А ты нашла да и обрадовалась, ду-реха! Другая б сразу сообразила, да и по мордасам мужа-то, по мордасам! А ты радуисяя!

Валентина повернулась к подругам с чувством превосходства:

– Вы слышали? Вот, девочки, вы тоже будете лет через двадцать такими же недобрыми, если не будете сейчас принимать кальций.

– А кальций-то тут при чем? – удивилась Михална.

– Я смотрела в рекламе – надо, – серьезно подтвердила Ва-

лентина. – Сначала тоже не поверила, но вот теперь на Павлину Марковну смотрю... надо.

– Вот дуреха – она дуреха и есть, – отмахнулась от нее Павлина Марковна и вдруг заверещала на весь микрорайон: – А носочки-и-и!!! Кому носочки-и-и-и?! Из натуральной шерсти! Изготовленные лучшими умелицами России! Награждены «Оскаром», прости, господи! Подходим, пока все не продала!

– Молодой человек! Покупаем семечки! Семечки! – кричала Михална. – Такой красивый молодой человек и без семечек!

– Ой, да все они красивые, пока молодые, – вздохнула Валентина и блаженно завела глаза. – У меня вот дружок в молодости был, Лешка Коноплев. Уж как любила, как любила!

– Это ты про мужа опять, что ль? – криво усмехнулась Павлина Марковна.

– Это я про другого. Которого еще до мужа любила, – любезно пояснила Валентина. – Ой, девчонки, не мужчина – конфетка! И обходительный такой, и всегда «извините», «пожалуйста»! Посадили его потом, за кражу. Так-то, девчонки. Не поверите, потом приходил – ведь убожище, прости, господи! Зубов нет, кожа вся висит, волосы повылазили. Это ж ужас!

– Батюшки-светы! – охнула Павлина Марковна. – Это чего с ним с болезным приключилось?

– Так понятно чего – постарел, – вытаращилась на нее Ва-

лентина Адамовна. – Нет, он ко мне после первого-то срока тоже приезжал. Еще ничего был. Но я уже замужем была... Тогда, правда, горевала. Он мне опять таких слов наговорил, что ты! Я чуть Володю за руку не схватила да не ринулась с ним в бега. А теперь вот думаю – ну и дура ж я была! Как же хорошо, что меня мой-то от этого кузнечика увел.

– А почему кузнечика? – наивно поинтересовалась Наталья.

– Ну а как же? – дернула плечами Валентина. – Он же поскачет-поскачет, его поймают. Выпустят, он снова давай скакать. Кузнечик и есть... Мужчина! Мужчина, гляньте, какие огурчики! Так в рот и просятся! Купите баночку, а я вам скажу, где водку дешевую продают!

«Девушки» снова переключились на торговлю, однако в такое раннее время покупатели еще не спешили осчастливить себя солеными огурцами, семечками и вязаными носками, поэтому разговор продолжился.

– Вот я и говорю, – вздохнула Валентина, – разве ж тот бы стал меня теперь подарками заваливать?

– А почему вы, Валентина Адамовна, решили, что ваш муж это вам подарок сделал? – спросила Наташа. – Может быть, Павлина Марковна права – правда забыл вытащить из кармана чей-то лифчик, и все. А вы уж и обрадовались.

– Наташенька, – с усталой улыбкой повернулась к ней Валентина Адамовна. – Это твой молодой козлик может забыть в кармане ЧЕЙ-ТО лифчик. А мой... мой Мефодий Сидо-

рович носит только мои лифчики!

– Боже мой, – быстренько перекрестилась Михална. – Так он у тебя еще и... Сам, что ли, носит?

– В кармане носит, Михална, – прервала товарку Валентина Адамовна. – Ой, ну я не могу. О чем вы только думаете? Я ж вам объясняю – да, девочки! Есть она, вечная любовь! Меня Моня так вечно любит, так задаривает... А ваши носки, Павлина Марковна, все равно никто не купит, потому что они у вас колючие, вот.

Три дня после этого разговора Валентина обижалась на Павлину Марковну. Она переписала кучу анекдотов и рассказывала их коллегам потихоньку, чтоб старушка не слышала. Зато та, в свою очередь, принципиально не переписывала Валентинины рецепты и вообще заявила, что так капусту уже никто не солит! На четвертый день пришлось помириться, потому что собачка Валентины не перенесла холодов и стала кашлять. Пришлось подарить Павлине Марковне ведро картошки, чтобы та подарила Бонике вязаный маленький свитерок. Свитерок оказался красивым, теплым и пушистым, и мир был восстановлен.

Вечером Валентина пыталась затолкать собачку в обновку.

– Боника, ну давай же лапку сюда сунем. Погоди, эту лапку тоже сунуть надо... Маша! Ну иди же мне помоги!

– Сейчас я Володю покормлю, – отозвалась невестка.

– Да что его там кормить? Сам прокормится. Иди, говорю.

У меня никак не получается. Боника! Ну не вертись же... Не надо на маму чихать. Мама за эту красоту ведро картошки перла.

– Давайте я ее так подержу... – прибыла на помощь Маша. – Боня! Потерпи.

– Мария! Будь любезна называть собаку полным именем, – сурово насупила брови свекровь. – Тебе не трудно, а Бонике приятно... Боника! Не смей кусаться, мерзавка такая!

Они уже почти засунули собачонку в обнову, но в прихожей раздался звонок, собачонка вырвалась и с радостным лаем ринулась к дверям.

– Да что ж такое, я не понимаю! – хлопнула себя по бокам расстроенная Валентина Адамовна. – Кого там опять принесло?

«Опять принесло» Мефодия Сидоровича. Сегодня была суббота, выходной день, однако у слесаря и сегодня были подработки.

Мефодий Сидорович поспешно разделся и собрался по привычке юркнуть в ванную, но жена преградила дорогу.

– Маша! Иди сюда, – зычно позвала она. – Посмотри на своего родственника.

Маша прибежала немедленно. Вместе с ней вышел и сын Володя.

– Скажи, Маша, зачем надо было надевать на работу белую рубашку? – спрашивала Валентина невестку и тыкала

пальцем в грудь своего супруга. Тот мечтал провалиться к соседям на нижний этаж, но никак не получалось.

– Ой! – воскликнула Маша и прикрыла рот ладошкой. – Какой ужас!

Володя крикнул и отвел глаза в сторону.

Вся рубашка Мефодия Сидоровича была украшена губной помадой. Некогда безупречно белый воротничок теперь алел следами чьих-то губ.

– Ну и чем теперь выводить это безобразие? – строго спросила Валентина мужа.

– Николай говорил, что можно... мыльцем... аккуратно... – пролепетал супруг.

– Много он знает, твой Николай! – фыркнула Валентина Адамовна. – Даже не раздевайся. Немедленно иди и купи стиральный порошок подороже. И спроси у продавца, чем выводить эти позорные пятна.

Мефодий Сидорович поспешно кивнул, снова напялил курточку и выскочил за дверь.

Володя вышел в гостиную и включил телевизор, вероятно, хотел найти интересную программу, чтобы отвлечь мать. Но это было не так просто.

– Какое расстройство нервов, – ухватила женщина за грудь. – Машенька, давай выпьем валерьянки.

Маша помогла свекрови дойти до кухни, вытащила таблечки и быстро налила стакан воды. Что говорить в таких случаях, она не знала.

– И что с ним делать? – спросила ее Валентина Адамовна. Девушка расстроено пожала плечами.

– Вот и я не знаю, – вздохнула свекровь. – Если б ты знала, как мне это надоело. Эти клиентки, они совсем совесть потеряли. Нет чтобы как следует оплатить работу деньгами, так они, негодяйки, только расцелуют слесаря и думают, что тому достаточно. А наш дурень даже слова сказать не может. Они же как думают – если в выходные, то и платить не нужно. Можно чмокнуть, сказать спасибо и все. И хватит. А у слесаря, между прочим, семья. Ему деньги нужны, а не какие-то там жирные губы напомаженные. Моня вообще не любит целоваться, я ж знаю. Я вон ему еще когда говорила: «Дай поцелую хоть!»... Когда ж я говорила? Ага, на двадцать третье февраля в прошлом году... Ну да... Так он от меня шарахнулся, как от чумы! Не любит целоваться, что ж тут делать. А эти... И мой тоже – слова сказать не может.

– Так вы... – не могла поверить невестка, – вы думаете, что это... Это его так за работу расцеловали?!

– Ой, не рви мне душу, – горько отмахнулась Валентина. – За что же еще его могли так замусолить? Говорю же – бабы эти только и думают, как на дармовщинку проехаться. Прямо зла не хватает. Я, между прочим, читала в одной экономической статье, как прожить на пенсию. Там про подарки писали. Дескать, обязательно дарить дорогие вещи, очень хорошо сделать что-то своими руками, вроде как человеку еще и приятнее будет. Я даже сама открыточку нарисовала

и Павлине Марковне подарила на Новый год... А она мне тоже... аппликацию подарила. Ерунда все это. По мне, уж лучше колготки хотя бы купила, чем эта аппликация. Вот эти клиентки, наверное, тоже таких статей начитались и давай поделки своими губами делать. А нет чтобы человеку достойно заплатить!

Маша не стала разубеждать свекровь. Она решила действовать по-другому. Да и Валентина Адамовна не выглядела уж совсем огорченной.

– Пойдем стирать, горе мое, – позвала она супруга, когда тот вернулся с порошком. – Гляди, вот это место сейчас присыплю, а минут через двадцать ты в машинку сунешь. Пойдем, кормить тебя буду.

Мефодий Сидорович чувствовал себя провинившимся, поэтому буквально заглядывал супруге в глаза.

– Валюша, а как сегодня у тебя день прошел? – интересовался он, уминая картошку с тефтелями. – Много наторговала?

– Да уж побольше твоего, – довольно отвечала жена. – Со мной же деньгами расплачиваются, а не как с тобой – чмокнули в воротник и будь здоров! Ты что – унитаз ставил в доме свиданий?

Супруг поперхнулся:

– Валюша! Ну почему унитаз? Я... Там краны бежали, я ставил прокладку, потом еще другой кран со смесителем поменял... Только это не в доме свиданий было, что ты выду-

мала? Я еще...

— Ой, да ладно, — отмахнулась Валентина. — Нашел о чем говорить. Лучше посмотри, какой свитерок я купила Бонике! Всего за ведро картошки! Бонечка! Неси свитерок! Сейчас померяем! Маша! Мы с тобой так и не нарядили Бонику, а нам уже скоро гулять!

— Давай я помогу, — тут же предложил Мефодий Сидорович. — Боника меня изумительно слушается. Она прямо так все команды и выполняет, так и старается!

Супруга глянула на него с сожалением.

— Моня! Ну кто тебя когда слушался? Доедай, горе мое, да пойдем на прогулку... Маша!

— Да я ее уже нарядила, — притащила собачонку в свитере невестка. — Вон какая красавица.

Красавице одяние не понравилось категорически. Но поскольку, похоже, с ней здесь никто не считался, она в отместку принципиально решила не шевелиться. Пусть все видят, как отвратительно у нее на душе!

— Боника! Деточка моя! — радовалась Валентина Адамовна. — Мамочка тебе еще и шапочку купит... Моня! Что ты так на девочку уставился? У нее от тебя столбняк. Ты видишь, Боника перестала двигаться. Это потому что ты полный рот набил и еще скалишься. Дикая невоспитанность. Бонечка, мы сейчас Моню... Вот так его полотенцем, вот так!

Валентина Адамовна несколько раз ударила супруга полотенцем, после чего воспитательный процесс посчитала за-

конченным.

– Моня! На прогулку! Мы тебя ждем! – властно приказала она и поспешила в прихожую.

Когда за супружеской парой захлопнулась дверь, Маша с тревогой в глазах подошла к мужу. Тот, ни о чем не подозревая, с упоением смотрел лыжные гонки.

– Володя, нам надо поговорить, – начала Маша, взволнованно дыша. – Так больше не может продолжаться.

– Ты о чем? – повернулся к ней озабоченный Владимир.

– Я о... о беспутном поведении Мефодия Сидоровича, – тяжело вздохнула Маша. – Я на это просто так смотреть не могу. Пусть Валентина Адамовна ничего не видит, но я...

– Она не видит, а ты тогда чего? – поморщился муж – на экране творилось что-то жутко интересное, и разговоры страшно отвлекали. – Иди попей чайку и успокойся.

– Выключи телевизор, когда я волнуюсь! – вспыхнула Маша. – Я не могу пить чай! Я возмущена поведением Мефодия Сидоровича! Как же он может так поступать с женой?! С этой наивной женщиной! Какой пример он подает детям? То есть тебе. Володя, ты с ним непременно должен поговорить. Ты должен...

Тут как раз началась рекламная пауза, поэтому Володя наконец-то смог уделить жене пару минут.

– Машенька, – ласково притянул он к себе молодую женщину. – Зачем так волноваться? Мои родители очень счастливо живут уже тридцать пять лет. И сейчас у них прекрас-

ные отношения. Что я должен сказать отцу? Чтобы он не надевал белые рубашки? Или что?

– Да пусть он носит эти свои рубашки! – возмутилась Маша. – Только вовсе не обязательно позволять всяким там раскрашенным куклам целовать его в воротники. И вообще. Пора уже вспомнить о возрасте. Это что ж такое? То он бюстгальтер в дом притащил, то весь расцелованный приходит. И главное – все нормально. Никого это не беспокоит.

Реклама закончилась, пора бы уже и разговору подойти к концу, но Маша этого никак не понимала.

– Хорошо, Машенька, я с ним поговорю, – пообещал Владимир, делая звук телевизора громче.

– Нет, милый мой, – вырвала из его рук пульт супруга. – Ты не просто поговоришь, а... А мы сейчас с тобой обсудим, что именно ты будешь говорить.

На лице Владимира отразилась вселенская мука.

– Хорошо, любимая, ты говори, а я буду запоминать... Только ты сядь вот сюда, а то мне экран загораживаешь.

– И буду загораживать! – встала прямо перед телевизором Маша. – У него родители разводятся, а ему только бы на экран пялиться! Ты что, снега не видел?! Вот поговоришь с отцом, и я сама на лыжи встану, чтобы ты мог на меня смотреть сколько влезет. А отцу ты скажи, что это неприлично – в его-то возрасте на других женщин заглядываться! Они же... Кстати, а что принадлежит Мефодию Сидоровичу? У него есть дача? Дом? Машина?

– Машенька! Ну ты же прекрасно знаешь – у родителей есть дача, машина, гараж и эта квартира.

– Нет, ты будь добр, уточни, кому все это принадлежит. А то знаю я нынешнюю молодежь. Из деревни приедут, так им сразу жениха подавай, чтобы обратно в деревню не возвращаться. И чтобы жених был с квартирой. А уж сколько ему лет, это дело десятое. Знаю я их!

– Еще б ты не знала, – фыркнул Володя. – Ты ж сама из деревни и приехала. И тоже – сразу тебе меня подать надо было!

– Что-о-о-о-о?! – искренне возмутилась Маша. – Ты думаешь, я из-за квартиры за тебя вышла?! Ты думаешь, я...

– Машенька! Да ничего я такого не думаю, ну что ты говоришь, – не знал, как успокоить жену, Володя. – Я просто говорю, что беспокоиться об отце...

– Да делай ты что хочешь!!! – уже со слезами на глазах кричала Маша. – Только учти! Когда какая-нибудь молоденькая девица начнет у твоей матери дачу отбирать и машину, ты... Ты тогда вспомнишь меня! Но будет уже поздно! Я уже... я уже уеду к своей маме, вот!

– Машенька-а-а! – Владимир притянул супругу к себе. – Детей нам надо, вот что. А то ты просто не знаешь, чем себя занять. А будут детки...

– Ты хочешь сказать, что я лентяйка?! – опять приготовилась реветь Маша.

– Я хочу сказать, что брак родителей нужно срочно скре-

пить внуками, вот!

– Я не могу! – всхлипывала Маша. – Я не могу носить реб-бенков... ребенка... Не могу носить ребенка в такой нервной атмосфере! Поговори с отцом!

– Хорошо, поговорю. Обещаю, – проникновенно прило-жил руку к груди Владимир и с удовольствием проводил су-пругу взглядом.

В это время Валентина Адамовна с Мефодием Сидорови-чем беспечно прогуливались по аллеям старенького парка. Парк был наполовину вырублен, просвечивал весь насквозь, поэтому страха в такое позднее время не вселял.

– Валюша! Ты посмотри, какой сугробище! – веселился Мефодий Сидорович. – Боника! Детка! А ну давай, прыгай ко мне сюда!

Боника все еще демонстрировала, насколько ей тяжело тас-кать на себе эти вязаные поделки, поэтому едва двигала ла-пами. Хозяин же, нимало не смущаясь, схватил ее в охапку и потащил в самую середину здоровенного сугроба. Собачон-ка взвизгнула, замельтешила лапами и стала испуганно из-виваться.

– Валюша! Ты посмотри, сколько у собачки восторга! – по-детски радовался мужчина. – А давай я и тебя так же!

Поднять свою супругу на руки Мефодий Сидорович был не в силах, поэтому попросту толкнул любимую в снежную кучу.

– Моня! Ты обалдел! – пыталась сохранить лицо Вален-

тина, но как это сделать, когда это самое лицо все в снегу? – Моня! Тьфу ты, черт, весь рот в собаке! Боника! А ты тут чего торчишь?! Веселись, давай! Прыгай! Мне самой здесь места мало!

Боника, может быть, и веселилась, но прыгать не могла – у нее провалились лапы, и собачонка только жалобно поскуливала.

– А вот и я! – сверху рухнул Мефодий Адамович. – Урра!!!

– Моня! – взревела супруга. – Ты ж изверг, Моня! Я понимаю, ты сам-то весишь, как весенний воробей, но ведь у тебя ж в куртке набор гаечных ключей! Уйди, говорю! Слезай! Да что ж такое-то?! Мамочка!

– Валюш, вот когда ты так верещишь, ты как девчонка, я прямо... я прямо стихи сочиняю! – не переставал радоваться муж. – Слушай. В небе звездочки, как лампы! Все горят и прямо в глаз! Лучше нету моей Вали! Ни у вас и ни у нас! Ну как? Тебе понравилось?

– Да я тебе говорю, что ты мне уже перелом сделал! – не прониклась стихами жена. – Что у тебя в карманах-то?!

– Это я тебя ключом ударил, да? – всполошился муж. – Валя, ты посиди там пока, я тебе еще стишок сочинил...

– Да слезь ты, ирод!.. Здравсте, Павлина Марковна... – увидела вдруг Валентина Адамовна свою приятельницу. Та прогуливала толстого кота на веревочке. – А мы вот... играемся... К нам не желаете? Да Моня же! Ну перед людьми ж

неудобно!

– Ничего-ничего... – скривилась старушка, схватила ко-та под мышку и быстрее заработала ногами. – Резвитесь... Валь, а ежели тебя муж-то не выцарапает из сугроба-то, так завтра можно экскаватором... ковшом поддеть.

– А зачем нам царапаться?! – вовсю веселился Мефодий Сидорович. – Мы вот еще и сверху снежком присыплем! Да стишков почитаем, правда, Валюша?

– Ага... – кивнула Павлина Марковна. – Это ты правильно придумал – еще и сверху... Чтоб уж совсем... до весны уже чтоб... И стишки... Пойдем, Васенька, не смотри на этакое безобразие... Давай я тебе мордочку отверну, а то ты у меня еще до марта вопить начнешь...

Женщина ушла, а Мефодий Сидорович все еще продол-жал веселиться.

Пока супруги барахтались в сугробе, Боника, окончатель-но замерзнув, вдруг подняла морду и отчаянно завывала. Она выла о своей горькой судьбе, о том, что никто не понимает, как ужасно она чувствует себя в этой вязаной тряпке, как ей одиноко без дворового друга Дюшки, как она устала торчать в этом сугробе и как ей невыносимо хочется мяса.

– Все, Моня, хватит! – вдруг строго рявкнула Валентина. – Хватит ржать-то! Вытаскивай меня давай!

Но Мефодий Сидорович веселиться не прекращал. Дело в том, что он уже пробовал вытащить жену из снега, но сразу же понял – дело это гиблое. Валюша настолько увязла седа-

лицем в снегу, что совет про экскаватор был, наверное, не так уж плох. А чего – ковшичком поддел, и все... Да только где его взять сейчас – ковшичек?

– Моня! Подай же мне руку! Тащи меня! – требовала жена. – Я уже вся мокрая. Снег даже в уши залез. Боника! Прекрати выть! Это папа у нас так играет, он совсем не собирается меня здесь хоронить, что ты придумала? Моня! Да тащи же!

Теперь Моня старался вовсю. Он пыхтел, кряхтел, упирался коленями в сугроб – тащил любимую, но результата не было.

– Валюша, ты б не шевелилась, что ли? – вспотев, посоветовал он. – Ты отчего-то все глубже погружаешься в снег. Как я тебя вытяну-то?

– Что значит «как вытяну»? – испугалась Валентина Адамовна. – Мне что тут, до завтра торчать?

– А сколько сейчас времени? – глянул на часы муж. – Всего-то и поторчать... Нет, я ж ничего, я ж стараюсь. Погоди-ка... Может, я снежок разгребу...

Неизвестно, сколько б еще длились эти старания, если б им не встретила веселая гурьба молодых людей. С хохотом, шутками и прибаутками они вытянули Валентину, а заодно и Бонику из снежной кручи.

– Вот спасибо вам, – лучилась улыбкой женщина. – А то... так прямо неудобно... Спасибо!

– Может быть, вас проводить? – хохотали спасители. –

Здесь фонарей нет. Не заблудитесь?

– Не заблудимся, – мило отвечала Валентина и косилась на супруга. – А фонари... сейчас будут. Вы бегите... Мы сами дойдем.

Молодежь унеслась в глубь парка, а Валентина уперла руки в боки и грозно двинулась на супруга.

– Ну?! Расскажи теперь, с какой такой тайной целью ты сделал из меня посмешище?

– Валенька! Валюша! Да какое ж посмешище? – беспомощно моргал присмиривший супруг. – Я ж тебя развеселить хотел.

– Ага! Весь район развеселил. Молодец! Пошли домой, сатирик хренов. У тебя еще рубашки нестиранные. Бонечка, вон как ты быстренько бежишь. Понравился свитерок, значит? Эх, придется еще и шапочку заказывать... Ой, Моня, ты посмотри, как наша Бонечка развеселилась. Вон как скачет. Ух ты, умница моя, – расплылась Валентина в счастливой улыбке.

– Так я ж специально, – мгновенно сообразил Моня. – Вижу, что-то она не радостная. Дай-ка, думаю, развеселю собачку. Ну что она дома-то видит? Вот и... бухнул вас обоих в сугроб. Ишь, как весело ей теперь.

Валентина Адамовна даже остановилась.

– Это ты сам догадался? Да нет... Постой-ка, ты... Ты прочитал книжку Ерундаева «Как обрадоваться радости»? Я угадала?

Мефодий Сидорович слыхом не слыхивал ни о каких Ерундаевых, однако ж смиренно потупился, заалел щечками, позволив жене самой дофантазировать.

– А еще я советовался с Николаем. Он мне...

– Опять Николай? – насупилась жена.

– Так это он мне и посоветовал Ерундаева почитать!

– Ты растешь в моих глазах! Завтра же сообщу об этом своим сотрудницам.

– Так, может... Может быть, нам зайти в магазинчик и купить что-нибудь для сугрева и... для веселья? – рискнул Мефодий Сидорович и не прогадал.

– Пожалуй, зайдем, – царственно кивнула супруга. – Еще надо конфет к чаю взять. Я сегодня брала, но они как-то... незаметно ушли еще в обед.

Домой супруги вернулись в прекрасном настроении и с пакетами в руках.

– Вот, сын, выставляй, – торжественно передал пакеты Володе отец. – Машенька, а ты на стол собери. Нам согреться полагается.

Машенька бросила на Володю особенный взгляд и поспешила на кухню.

– Не вздумай промолчать, – шепнула она мужу, когда тот выставлял на стол бутылочку запотевшей водки. – Я уведу мать, а вы выпейте по стопочке и... Самое время для разговора.

Владимир только тяжело вздохнул. Ну чего лезть к роди-

телям с какими-то разговорами, когда они вон какие счастливые? Опять же и Маше обещал...

– Ты же знаешь, я кремень, – насупил брови он. – Пап, а сало резать?

– Я сам порежу... – уже появился в кухне Мефодий Сидорович. – Давай-ка, я тут еще огурчики достану...

– У вас рука в банку не влезет, – попыталась помочь невестка, но на кухню появилась Валентина Адамовна.

– Машенька, пойдем с тобой журнальчики полистаем. Пусть мужики без нас посидят. Моня сегодня жутко устал. Да и чего нам с ними торчать, еще заставят потом посуду мыть. А мне опять прислали каталог «Весна – лето», чего-то шлют и шлют.

Женщины удалились в комнату, а Мефодий Сидорович с сыном быстренько накрыли на стол и уселись «согреться». Чтобы им не мешали дамские вздохи по поводу новинок каталога, они даже дверь на кухню закрыли.

– Эх, сынок! Давай за нашу семью! – поднял рюмку Мефодий Сидорович.

Володя крикнул и залпом осушил свою рюмку.

– Володя! Посмотри, какой халатик! – заскочила в кухню Маша, старательно хлопая глазами. – Я такой себе закажу, можно?

– Заказывай! – великодушно позволил супруг.

Машенька благодарно чмокнула Володю в щеку и быстро прошептала:

– Не уппусти момент. Давай, говори с отцом, пока я там Валентину Адамовну держу. Я все слышу, учти.

И снова выпорхнула в комнату.

– Вот какая хорошая Маша, – улыбнулся Мефодий Сидорович. – Я, сын, все с тобой поговорить хочу.

– Ага? – удивился Володя. – И я с тобой.

– Я первый, – решительно прервал сына отец и прищурился. – Чего ж ты, так твою разэдак, никак детей-то не родишь?! Мы ж с матерью уже не девочки. Нам бы и внуков уже нянчить, а ты все жмешься. Никак вас на детей не растрясешь! Что ж такое-то?! Мать-то вон уже на собачку переключилась. Одевает ее, как ляльку, скоро уж ползунки напялит. А ты думаешь отчего? А все оттого, что внуков ей не хватает. А ты! Когда родите?!

Владимир сидел, смиренно склонив голову, и слушал. Мефодий Сидорович ругался бурно, но недолго. Уже через пять минут он налил еще по рюмочке и заявил:

– Чтобы к концу месяца дети были! За это и выпьем!

– Пап! – вытаращился Владимир. – Как же это к концу месяца? Мы ж никак не успеем!

– Не перечь отцу! – рыкнул батюшка. И тут же хитренько сощурил глазки. – Я ж не сказал, какого месяца, вот и думайте.

– А, ну раз так... – распрямил плечи сын. – За это выпьем.

Они выпили, и пока отец хрустел огурцом, Владимир вдруг выпалил:

– А ты мне, отец, скажи. Ты вот чего это приходишь весь в помаде? Еще и лифчики какие-то в карманах таскаешь? Это ж твое счастье, что мама у нас такая наивная святая женщина. А другая бы... Ты ж уже... седой весь. Да и стирать не умеешь. Эдак на тебя никаких рубаш не напасешься.

– Сынок! – глубоко огорчившись, самостоятельно выпил рюмку Мефодий Сидорович. – Так я и в нестиранных рубашках прохожу, если уж такое дело.

– Пап, ты не крути. Не в рубашках дело, – тоже махнул рюмку сын. – Ты ж думаешь, я не понимаю? Все я вижу – возраст уже, а тут девочки молоденькие, стройненькие, сами целоваться лезут, кто ж устоит? Но я тебе так скажу...

Мефодий Сидорович вдруг выкатил глаза.

– В том-то и горе, сынок! Нет сейчас девушек-то фигуристых! Все как одна – селедки. Это ж раньше раздолье мужскому глазу было – куда ни взглянешь, везде только округлости! Ведь рук не хватало, чтоб такую-то красоту объять! А сейчас... Я даже не понимаю, как же их обнимать-то можно? Равно как себя! Обхватил, и у тебя руки на твоей же спине сцепились.

– Ну... это ты мне не говори... – отмахнулся сын. – Не путай меня. Я, говорю, понимаю тебя. У мамы там всякие морщинки, свежесть не та...

– Это у нашей мамы свежесть не та? – поперхнулся Мефодий Сидорович сосиской. – Да ты к ней приглядывался? Мне ж даже Николай завидует! А уж он-то на своем веку столько

женщин видел... Ты ж посмотри на нее! Она ж идет, на нее ж мужики оглядываются! А уж ежели рот откроет, так и все бабы мрут, как мухи, от зависти. Она ж у нас... королевна!

В кухню вошла Валентина Адамовна.

– Чего-то вы мне всю Бонечку испугали. Что это за ругань у вас тут? Кто это у вас королевна? – грозно уставилась она на супруга. – Моня! Я ведь интересуюсь. Кто королевна?

– Так ты ж! – вытаращился Моня. – Сын мне все каких-то девиц сватает, а я ему... Валюша, ну нельзя сейчас так – сегодня одна, завтра другая! А этот... И кого мы только с тобой вырастили? И правильно, что Маша не хочет детишек, он же, того и гляди, на сторону сбежит!

– Погодите, – появилась в дверях уже и Маша. – Куда это он бежать надумал? Какие девицы? Володя!!!

– Да что ж такое? – окончательно запутался Владимир. – Получается, что я же еще и виноват! Маша! Ты ж сама хотела, чтобы я с отцом поговорил! Вот я и беседую!

– Это ужас какой-то, – всхлипнула Маша. – Мефодий Сидорович уже и Володю с пути истинного сбивает!

– Ты чего говоришь-то? – возмутилась Валентина Адамовна. – Чего ж это он родного сына будет сбивать? Он воспитывает его! И правильно делает! Потому что я уже тоже давно наблюдала, что Вовочка относится к супружеским обязанностям спустя рукава! Сколько лет живете, а детишек-то завести все времени не хватает! Вот и воспитывает отец!

– Какие детишки? – ничего не понимал сын. – Мы вообще говорили о верности! И чести. Да. И о рубашках еще.

– Да, Моня! – встрепелась вдруг Валентина Адамовна. – Я тут в каталоге присмотрела себе такую чудную рубашечку... Сейчас покажу... Где же она у меня тут?

Как-то незаметно разговор перешел в мирное русло. И только уже ночью, ворочаясь в постели, Маша проворчала:

– Ну вот, попросила тебя отца вразумить, так ты еще и девиц с ним обсуждать начал. И даже не обнимай меня теперь! Отодвинься!

Владимир, который уже похрапывал после выходного дня, встрепелся:

– Что? Маш, ты что-то сказала?

– Вот ведь никак без меня уснуть не может, – вздохнула Машенька и повернулась к мужу: – Это ж твое счастье, что я совсем не умею на тебя сердиться. Ладно уж, целуй, если не спится.

Утром, еще подходя к своему месту на рынке, Валентина Адамовна услышала взрывы смеха и визгливый голосок Павлины Марковны:

– Ой, девчонки, и, главное, вот так ноги растопырила, руками молотит, а вылезти никак! Чистый жук навозный! Я прям от смеха чуть грыжу не заработала!

– Девочки, здравствуйте вам всем. Что это Марковна решила анекдоты тут вам травить? Никак опять ее носки никто

не берет, так она народ привлекает.

– Да нет, – щелкала свои семечки Михална и хитро шурилась. – Рассказывает, как видела вас вчера в парке. Это чего такое, Валь? Детки-то вас уж из вашей же квартиры выставили?

Валентина расставляла банки на ящике, но, заслышав такое, чуть не выронила банку с маринованным перцем.

– Михална! Да у тебя мозг-то с твою семечку стал, видать! Зачем это Володе нас выселять, когда у них и своя квартира имеется? Они ж там евроремонт делают, я ж говорила.

– А чего ж вы тогда в снегу залегли? – склонила набок голову Павлина Марковна. – Снежище грязный весь, собаками загаженный, а она валяется! Шапка на бок съехала, руки растопырились – срамота! В это время все порядочные женщины сидят дома и смотрят программу про здоровье, а не шарахаются черт-те где!

Валентина зарумянилась и стыдливо махнула рукой.

– Ой, девчонки! И не говорите! Мой вообще бесстыдник стал. Никакого удержу на него нет. Так и липнет ко мне, так и липнет. Думала, хоть на улицу пойдем, там людей постыдится, так ведь нет! Все б ему только шалить. Такой прямо... Огонь! Чистый огонь! А уж силищи сколько!

– Ну, не знаю, не знаю, – покачала головой Павлина Марковна. – Откуда там силище взяться, если он у тебя сам-то росточком с канарейку? Вот мой идет, так сразу видно – мужчина! Высокий, статный...

– Ну, не знаю, не знаю, – в тон ей ответила Валентина Адамовна. – Не видела. Как же это тебя твой мужчина одну по парку гулять пустил, да еще вечером? Ты ж со своим-то языком обязательно какую-нибудь драку затеешь.

– Да потому и отпустил, что совестно ему уже, как вы, за ручку по сугробам скакать! – выкатила глаза от возмущения Павлина Марковна. – Серьезный он у меня!

– Не понимаю, и чего ссориться? – пожала плечами молоденькая Наташа. – Это ж разве плохо, если в такие годы все еще за ручку ходят? Мой вот меня никуда не водит, сам бегаёт... А я бы в любой сугроб пошла...

– Эх, Наташенька! – вздохнула Таня, у которой на столике лежали разноцветные пачки с семенами. – Я б тоже пошла, да только не с кем мне. Одна двоих пацанов тяну. Какие уж тут сугробы!

Валентина вдруг оживилась:

– Таня! Я тебе найду жениха! У нас есть один знакомый...

– Ой, да не слушай ты ее, – перебила товарку Павлина Марковна. – Она себе еще никак нормального найти не может. У нее самой мужик то лифчики чужие таскает, то мечтает ее в сугробе закопать. Где уж тебе искать!

– Завидует. Вы поглядите, завидует, – весело хохотнула Валентина и лукаво подмигнула Тане. – А ты так и знай! Скоро у меня день рождения, я тебя позову и познакомлю с чудесным мужчиной. Он тоже слесарем работает. Колей зовут, как Никола Саркози. Очень приличный мужчина.

– Приличные-то мужчины уже давно к рукам прибраны, – заметила Михална. – А этот, видать, никому не нужен.

Валентина так возмутилась, что даже не стала обслуживать покупателя, который уже минут десять пытался расплатиться за банку с помидорами.

– Да как же не нужен? Ты-то откуда знаешь? Да! Он пил! И не надо этого стыдиться! И жена его бросила, потому что он алкоголик был! Зато у него потом открылась язва, и он теперь не пьет.

– Действительно, – вдруг подал голос покупатель, – что ж – мы, алкоголики, не люди, что ли? Выходите замуж, девушка! И даже не раздумывайте! Зато он от вас гулять не будет, вот.

Рынок тут же разделился на два лагеря. Одни встали горой за право алкоголиков на счастливое супружество, другие же считали их недостойными. И только Михална под шумок насыпала покупателю помидоров уже третий стакан семечек.

– Уж такие вкусные! Ими даже водку закусывают. С вас пятьдесят рублей... Ой, а сдачи нет! Ну, потом еще зайдете. Я верну.

Глава 2

Вечером Валентина с нетерпением ожидала мужа, чтобы сообщить ему радостную весть – на следующей неделе они будут отмечать ее день рождения, и пусть он наконец пригласит к ним своего закадычного друга Николая. Этого друга в семействе еще никто не видел, но уж наслышаны о нем были предостаточно. Вот и пусть сидит и знакомится с Таней. Женщина она хорошая, глядишь, и сладится у них. И не будет потом Мефодий каждый раз вспоминать этого гения русской философии.

Она ждала, а супруга все не было.

– Машенька, а Мефодий Сидорович не звонил? – уже который раз спрашивала Валентина Адамовна у невестки. – Куда это он подевался?

– Не звонил, – только пожимала плечами та. – А вы сами ему позвоните.

– И как ты себе это представляешь? – немедленно фыркала свекровь. – Он, например, закручивает кран, а тут я со своим звонком. Понятное дело, Моня немедленно пугается, кран выскакивает у него из рук, и в результате – ожог кипятком и длительная нетрудоспособность!

– Мама, ну почему вы решили, что Мефодия Сидоровича так уж пугает ваш звонок? Можно подумать, ему никто и никогда не звонит! И отчего это он именно сейчас

должен закручивать кран с горячей водой?

– А с какой? – вытаращилась Валентина Адамовна. – Нет уж, если он сам не звонит, значит, не может. И запомни – мужьям надоедать своими звонками вовсе не дело. В конце концов, что, у нас других интересов нет, что ли? Бонечка! Иди к мамочке. Мамочка хочет сделать тебе потрясающую стрижку. Маша! Ты не видела большие портновские ножницы? Боника! Прекрати немедленно удирать от мамочки! Между прочим, соседская собачка меня уже полгода просит сделать такую стрижку. Боника!

Бонике было глубоко плевать на соседскую собачку, она абсолютно не собиралась стричься, а собиралась бегать по комнате и играть с теннисным мячиком.

– А мамочка говорит, надо за собой ухаживать, – тряслась за собачонкой грузная Валентина Адамовна. – Боника! Мамочка обидится и не пойдет с тобой гулять.

Боника заняла Валентину до одиннадцати часов, а потом собачка рухнула на кресло и вытянула лапы – организм требовал отдыха.

– Маша! – снова позвала Валентина Адамовна. – Я слышала какой-то звонок, это не папа? Володя! Я кого спрашиваю!

Из спальни высунулся заспанный Владимир.

– Mam, я сам папе звонил. Он сказал, что сегодня сильно задержится, а возможно, и вовсе переночует у этого... как его... у Николая.

– Почему у Николая? – не совсем поняла мать. – А что, ему дома места не нашлось?

– Просто они задержались на работе, потом немножко выпили, и вот... Чтобы не нарваться на неприятности, решили переночевать у Николая.

– Ага... – грозно запыхтела хранительница очага. – Можешь ему передать – он как раз сейчас на неприятности и нарвался! На крупные неприятности! Это ж надо! Променять свою кровать с чистым постельным бельем... кстати, это белье я сама и шила! Ситец по девяносто рублей метр! А он! Я ему устрою! Он уже рехнулся со своим Николаем! Мне, может быть, тоже нужно к Николаю! Так я же не бегу к нему ночевать!

– Мам, а тебе-то зачем к Николаю? – не понял сын. – Что уж там за Николай такой волшебный?! Прямо всем он нужен позарез!

– Мне нужно его женить!

– А-а! Вот это другое дело, – согласно закивал Владимир. – Это ты, мама, правильно придумала. Пусть женится, а потом мы посмотрим, как он философствовать станет. Он у меня, мам, уже тоже в печенках сидит.

– И у меня, – вышла в халатике Маша. – Этот Николай... Я прямо так волнуюсь. Сейчас вот Мефодия Сидоровича с панталыку сбил, а там и Володю, глядишь, потянет.

Валентина, почувствовав поддержку семьи, окончательно успокоилась и стала собираться ко сну.

– Если он утром придет, вы меня разбудите, – велела она детям. – Я ему устрою рождественские встречи. Не забудьте.

Однако разбудили ее не дети, а радостный лай Боники.

– Бонечка, ну погоди же ты, – сквозь сон лопотала Валентина. – Придет Моня и отведет тебя на улицу.

– А мы уже с улицы, – радостно сообщил ей родной голос. – Валюша, я уже погулял с Боникой, теперь не знаю, чем ее накормить. Она мне уже все брюки облизала.

Валентина медленно разлепила веки.

– И где тебя носило, моя драгоценность? – хмуро уставилась она на мужа. – Какого лешего ты не ночевал дома?

На Мефодия Сидоровича было страшно смотреть. Голова его втянулась в плечи, спина согнулась, руки теребили пуговицу рубашки, а глаза прочно уставились в пол.

– Валенька... Валентина Адамовна...

– Это как же надо себя не ценить, чтобы целый день вкалывать и не заработать даже на дорогу! – взвилась супруга. – Мне к чему эти твои трудовые будни, если ты даже такси взять не можешь? До дому не на что доехать! Сколько ж можно работать на благотворительность? Я почему-то никому еще банки с огурцами не подарила! Каждую копейку в дом! А ты!

За стенкой Маша боялась шевельнуться. Честно говоря, она чего-то подобного ожидала, но... Но уж никак не могла подумать, что Валентина Адамовна начнет сама придумывать мужу оправдание. И ведь как здорово у нее получилось.

Бедный Мефодий Сидорович, оказывается, просто не имел денег, чтобы доехать до дома.

– Володя, – толкнула в бок любимого мужа Маша. – Я сама открою глаза этой святой женщине. Это мой долг.

– Что? Уже пора вставать? – ошалело заморгал ресницами Владимир.

– Спишь ты, что ли? – обиделась Маша. – Тут такое происходит, а ему только б спать! Да спи, чего уж... Тебе только через час на работу.

А в спальне хозяев продолжался процесс воспитания.

– Я тебе сколько раз говорила – вот говорит тебе женщина: «Простите, а у меня денюжек нет. Спасибо вам! И до свидания». А ты ей должен ответить: «Ничего, добрая женщина, тогда я у вас заберу ваш мобильный телефон». И все. Деньги сразу находятся. Или еще можно милицию вызвать, тоже помогает. А ты! Это ж надо додуматься – взять и остаться ночевать у друга! Ну погоди, вот у меня через неделю день рождения будет, так я этому твоему Николаю все выскажу!

– А ты... Ты хочешь пригласить Николая? – вытаращился Мефодий Сидорович.

– Конечно! Должна ж я посмотреть, с кем водится мой муж. А то еще, того и гляди, он тебя плохому научит.

– Валюша, но ты же не хотела отмечать.

– А теперь хочу!

И в самом деле, Валентина поначалу не хотела праздновать очередной день рождения – не больно-то и радостно в

таком возрасте. Тем более что подарки ей все равно подарят. Однако ж, именно вчера она вдруг решила: подарки подарками, а отметить праздник все равно нужно. Когда еще тебе наговорят столько добрых слов, да еще чтобы их услышали твои подруги? А она обязательно хотела позвать своих подруг. И эту вредину Павлину Марковну непременно. Пусть видит, как ее дома на руках носят.

– Но... Но ведь на это уйдет целая уйма денег, – сомневался супруг.

– Да! Я женщина дорогая! – гордо тряхнула кучеряшками Валентина. – И вообще! Дай мне поспать еще часа полтора, а то у меня будет серый цвет лица.

Мефодий Сидорович поплелся на кухню, а его супруга снова рухнула в подушки досматривать сны.

Следующую неделю Валентина решила посвятить подготовке к своему празднику.

– Танечка! – подлетала она к своим подругам по работе. – Ты уже купила себе новое платье? Нет? Не покупай, я тебе свое дам! Я его почти не носила, оно из крепдешина, мне его еще мама покупала, когда я в девках была. Оно такое... Тут цветочек, тут тоже... Короче, везде цветочки. Очень славно.

– Что ж поновее-то ничего не нашлось? – фыркала Павлина Марковна. – У нее такого старья небось у самой девать некуда.

– Павлина Марковна, не ворчите. Я вас тоже приглашаю, – оглядывалась на старушку Валентина. – Можете даже со своим этим приходите, с мужем. Мы очень вам будем рады! Просто очень! А то я все время подозреваю, что вы и замужем-то не были.

– Это мы-то не были?! – тут же вскипела пожилая женщина. – Да я!..

– Наташенька! И ты приходи. И ты, Михална. Будет много вкусного... – щебетала Валентина и снова уносилась за продуктами.

В четверг у нее был намечен поход на рынок. Но все планы нарушил звонок.

– Алло, – прошептал чей-то женский голос в трубку сотового телефона. – Валентина Адамовна? Это вам звонит доброжелатель-аноним.

– Боже мой. Какой ужас! – вежливо удивилась Валентина. – Мне полагается бросить трубку?

– Да, но сначала получите информацию, – посоветовал ей тот же самый шепот.

– Погодите, я тогда ручку возьму, – торопливо предупредила Валентина и крикнула на всю комнату: – Маша! У нас в доме хоть одна ручка есть?!

Маша тут же появилась из своей комнаты с ручкой в руках.

– Что-нибудь случилось? – испуганно уставилась она на свекровь.

– Да нет, чего случится-то? Аноним вот звонит, информацию сейчас будет... сливать, – и уже в трубку она деловито сообщила: – Я готова. Диктуйте.

– Сегодня в восемь часов вечера в кафе «Пингвин» ваш муж будет встречаться с прекрасной молодой блондинкой. Я бы на вашем месте непременно сходила, потому что у них будет романтическое свидание и...

– Ой, да я вас умоляю! – прервала анонима Валентина Адамовна. – Откуда у Мони романтика? Нет, в «Пингвин»-то я наведуясь, вы очень правильно посоветовали. Там, говорят, очень неплохая кухня. Надо салатики на день рождения присмотреть. Во сколько, вы говорите, там открывается?

– При чем тут «открывается»? Они туда в восемь придут! – не выдержала неизвестная доброжелательница. – Вам раньше не имеет смысла там появляться.

– Это уж я сама решу! – рывкнула Валентина Адамовна. – У вас ко мне все?

– Все, – буркнул в ответ недовольный женский голос, и трубка запиликала короткими гудками.

– Мама, что там говорили? – не сводила со свекрови испуганных глаз Маша.

– Сказали, что сегодня в восемь вечера Моня будет в «Пингвине». Надо и мне туда съездить. Вот мои подружки удивятся, когда я их ресторанной кухней баловать начну! Маш, а если мне что-то понравится, я ж могу просто зака-

зять, да? И мне привезут несколько порций, так же?

Невестка ничего не понимала.

– Так вы туда на дегустацию поедете, что ли? А при чем тут аноним?

– Да она мне сказала, что Моня там будет встречаться с какой-то свиристелкой, – отмахнулась Валентина и тут же серьезно задумалась: – А в чем бы мне туда сходить? Может быть, в той китайской кофте? Ну, моя такая красная, видела же? Мохнатая такая, я ее недавно купила.

Маша сосредоточенно хмурила брови и думала о чем-то своем.

– Я поеду с вами, – вдруг решительно заявила она. – К тому же сейчас в восемь вечера уже темно. Чего это вы будете по темноте одна ходить по всяким ресторанам? Я вас на машине довезу.

Валентина сначала даже слушать не хотела:

– Да что ты всполошилась-то? Ой, гляди-ка! Позвонила какая-то дурочка, решила тень на плетень навести, а ты и обрадовалась – давай в ресторан собираться!

Но Маша настаивала на своем, и Валентина сдалась:

– Да и ладно, поедем вместе. Тем более что я и не знаю, как добираться до этого «Пингвина». Да и на машине оно всегда удобнее... Маша, а туда в джинсах можно?

– Не знаю, – скривилась Маша. – Но я бы не советовала. Вы в этих джинсах картошку садили, куда ж в них в ресторан? Лучше наденьте ваш серенький сарафан с темной во-

долазкой.

– И буду как старуха, – фыркнула свекровь, но послушно поплелась к шкафу доставать сарафан.

А надо было еще сделать прическу, подкрасить глазки. Эх, жалко, маникюр она не успеет сделать. Вот всегда так! В кои-то веки в ресторан приходится выбратся, и то не во всей красе. Не могла эта доброжелательница пораньше позвонить?

Уже в половине восьмого обе дамы были готовы к ресторану. Но если Маша выглядела довольно скромно, то Валентина блистала. На ее голове возвышалась огромная башня из кудрей, а простую водолазку под сереньким сарафаном украшали массивные блестящие бусы – каждая бусина величиной с куриное яйцо. Что уж говорить о макияже! Фиолетовые тени, черные стрелки на веках и ярко-алая помада.

– Мама! – ужаснулась Маша. – Сейчас же не Новый год, чтобы наряжаться елкой! Что это за вульгарный вид?

– Мы не должны выделяться, – сурово сдвинула брови Валентина. – Там в ресторане все женщины выглядят красиво. Мне нельзя быть хуже, заметят.

Маша только безнадежно покачала головой.

– Ну да... – фыркнула она. – А так мы – как реклама эскорт-услуг экономкласса.

– Не ворчи, – прервала ее свекровь. – Подумай лучше, что нам Боника хочет сказать?

Бонике и вовсе было не до разговоров. Ей хотелось на ули-

цу, а хозяйка так активно занялась собой, что на нее никакого внимания не обращала. А на улицу требовалось с каждой минутой все сильнее. Поэтому собачонка сначала просто крутилась возле хозяйки, потом начала повизгивать и бегать к прохожей, а потом и вовсе – уселась перед дверью, задрала голову и протяжно, горько завывала.

– Мне кажется, она гулять хочет, – догадалась Маша. – Ее сегодня вечером еще не выводили. Только мы все равно не успеем.

– Действительно, – быстро согласилась Валентина, надела свой пуховик, влезла в сапоги и схватила на руки собачку. – Все, Машенька, мы готовы.

У невестки из рук выпал сапог.

– Мы?! То есть... Боня тоже с нами едет? В «Пингвин»?

– Госсыди! Ну что такого-то?! – изумилась дама с собачкой. – В Европе уже давно никто без собак в ресторанах не появляется, я по телевизору видела. Одевайся скорее, нам еще Бонику выгулять нужно. Да! И не зови ее Боней! Я столько раз напоминала – она же не дворняжка тебе какая-то, а благородных кровей.

Еще минут двадцать понадобилось, чтобы Боника вдоволь нагулялась, и только после этого женщины направились в «Пингвин».

– Мама, уберите Боню... Бонику с руля, – нервничала Маша. – Она мне мешает.

– Не вредничай, Машенька, – не особенно прислушива-

лась Валентина. – Вот Моня всегда ездит с Боникой на руках. И ничего! Он ей не мешает. Собачка просто запоминает дорогу.

Маша тяжело вздохнула и скинула собачку со своих колен.

– Маша! Что с Боникой? – тут же встрепелась Валентина Адамовна. – Отчего она упала?!

– Ничего страшного, – пожала плечом Маша. – Она просто рассмотрела панель управления и пошла изучать педали.

Свекровь поджала губы, схватила собачку с пола и посадила себе на колени.

– Ничего, Боника, мы потом попросим Моню, и ты снова будешь сидеть за рулем, – бормотала она. – Если наша Маша...

– Скажите, – вдруг прервала ее невестка. – А почему вы Боньку только Боникой зовете, а Мефодия Сидоровича Моней? Мне кажется, ему обидно.

– Будешь задавать много вопросов, я тебя вообще Марусей звать буду, – проворчала Валентина Адамовна.

Маша пожала плечами. Марусей? Ну и что? Ей даже нравилось, когда Володя звал ее Марусей. И все же непонятно, как можно так любить собачонку и при этом совсем не обращать внимания на собственного мужа? Она б так не смогла.

– Испугалась? – пошла на мировую Валентина. – Не бойся, чего ты? Я ж понимаю, я не буду тебя Марусей звать. Тем более что у меня раньше кошка была Маруська. Зачем же?

К «Пингвину» дамы подъехали в некотором напряжении.

Боника снова пыталась залезть на колени к Маше, и та старалась незаметно ее спихнуть. В результате на колготках, как это обычно и случается, сразу же появились довольно заметные затяжки.

Валентина же Адамовна, видя недовольное лицо невестки, корила себя за несдержанность. Ну зачем она ей сказала, что будет звать ее кошачьим именем? Как неудобно получилось...

Дамы подошли к стеклянным дверям кафе.

– С животными не пускаем, – хладнокровно преградил путь в заведение здоровенный парень.

– А кто здесь животное? – искренне возмутилась Валентина. – Кого из нас вы назвали животным? Да я вам в матери гожусь, а вы ругаться вздумали?

– Я не вас, я вот эту собаку, – ткнул пальцем детина прямо в бок Боники. – Вы проходите, а она пусть на улице сидит.

– Сам-то чего-то на улице не сел! – начала уже накаляться Валентина, но ее за рукав потянула Маша.

– Мама, смотрите!

Маша заглядывала куда-то за спину детины, в зал, и что-то там ее сильно расстроило, потому что у девушки тут же на глаза набежали слезы.

– Ну что? Довел девчонку до слез? – рыкнула Валентина и залепетала Бонике в мохнатое ухо: – Боника, здесь такая отвратительная забегаловка, я просто не могу тебя туда взять! Маленьким собачкам это может испортить психику.

– Мама! Ну пойдёмте же! – торопила Маша.

– Да! Но сначала надо посадить Бонику в машину! – упиралась свекровь.

– Она мне всю обивку обгрызет!

– И что же делать? – вытаращилась Валентина. Но, правда, долго не думая, тут же сунула свое сокровище детине в руки и, пока тот ничего не успел сообразить, ринулась в зал.

В зале, за столиком возле окна, сидел Мефодий Сидорович. Сидел, как и предупреждала неизвестная доброжелательница, не один, а в компании пышной блондинки. И эта блондинка вела себя несколько фривольно. Она нежно брала руку мужчины и страстно ее прижимала к своей груди.

– Нет, вы только посмотрите, что она делает! – кипела от негодования Маша. – Ведь видит же, что Мефодий Сидорович упирается, так все равно тянет! Никакой совести!

– Миленькая моя, если б у тебя протекал кран или, еще хуже, треснул унитаз, ты бы тоже про совесть забыла.

Женщины стояли на входе в зал, но парочка за столиком их все еще не видела.

– Давайте сядем вот сюда и понаблюдаем, – быстренько утянула свекровь за ближайший столик Маша. – Какое бесстыдство! Так откровенно добиваться любви!

– Марья, когда у тебя три недели нет душа...

– Мама! Ну при чем здесь какой-то душ?! – взорвалась уже невестка. – На ваших глазах уводят вашего же собственного мужа, а вы про какой-то душ! Ясно же – она ему в люб-

ви признается, а вы...

– Машенька, да какая любовь? – в свою очередь, теряла терпение Валентина. – У Мони высокое давление, гастрит, несварение желудка, больная печень и плоскостопие. Какая любовь может быть? Девушка просто не имеет денег и уговаривает Моню сделать ей ремонт.

– Ну да, – скривилась Маша. – На ремонт денег нет, а по ресторанам бегать – нашлись!

– Все правильно, – тарасилась на невестку Валентина. – Потому что Моня упирался. Я ж ему только что сказала – натурой не бери. Всякими там спасибоми, бутылками водки и так далее, только деньгами. Вот он и уперся. А девушке, видимо, очень надо.

– Похоже, она предлагает заплатить совсем не спасибоми, – фыркнула Маша. – Не понимаю, как можно... Вот! Что вы скажете – и сейчас она его уговаривает починить унитаз?

В это время блондинка за столиком Мефодия Сидоровича нежно погладила по щеке своего спутника и кокетливо сунула ему в рот оливку.

– Какая хорошая девушка, – улыбнулась Валентина. – Хорошо хоть покормить догадалась. А то, бывало, Моня домой прибежит, а сам, как волчонок – голодный весь.

Маша уже не знала, как открыть глаза своей свекрови. А рядом еще крутился назойливый официант.

– Что будете заказывать?

– Мне... э-э-э... салатики трех видов, – тут же увлеклась

изучением меню Валентина. – Вот этот... Что это за «Песнь перепелки»?

– Это салат с перепелиными яйцами, с креветками и с авокадо, – любезно пояснил официант, – заправленный соусом «Азазель».

– Маша, запиши где-нибудь: яйца перепелиные, креветки и авокадо, – распорядилась женщина и снова повернулась к официанту. – А сколько яиц класть для двадцати человек?

Парень замешкался, и этим воспользовалась Маша.

– Будьте любезны, выясните все про перепелку, а нам пока две чашечки кофе, – быстро проговорила она, потом положила свою ладонь на руку свекрови и проникновенно начала: – Мама! Мефодий Сидорович у вас очень интересный мужчина. Ну да, он немножко неказист, угловат и... и не слишком высок. Но! У него же своя квартира, дача, машина и пятнадцать соток земли!

– А также супруга и сын-наследник, не забывай, – беззаботно отмахнулась Валентина. – Машенька, а чего ты только кофе заказала? Мы здесь помрем с голоду!

– И все это, – продолжала гнуть свое Маша, – может за просто перейти в руки такой вот... очаровашки совсем бесплатно. Вы же смотрите передачи. На что только не пойдет обездоленная женщина за кусок... квартиры. А вы никак не хотите этого понять. Вы только проанализируйте ситуацию. Мефодий Сидорович стал приходить домой поздно, весь в помаде, с полными карманами каких-то... ужасных лифчи-

КОВ.

– Так это ж клиентки!

– А вас не настораживает, что у него только клиентки? А куда подевались клиенты? Или у мужчин не текут краны?

– Милочка моя, – усмехнулась Валентина, – да мужчины сами легко справляются со своими кранами. Ну что там особенного? Поменять прокладки, прочистить трубу... Для мужчины это раз плюнуть, а вот для женщин – катастрофа.

– Да поймите же вы! – не могла этого слышать Маша. – Никто не станет тащить сантехника в ресторан, заказывать ему ужин на тысячи, чтобы сделать ремонт на сто рублей!

– Откуда ты знаешь? Может быть, она евроремонт затеяла? Ну вот, и официант провалился, – вертела головой Валентина Адамовна. – А я только один салат и успела запомнить. Кстати, ты рецепт записала?

– Да вы посмотрите, что она делает! – не выдержала Маша и даже вскочила с места.

В это время заиграла музыка, и спутница Мефодия Сидоровича звала его танцевать. Мужчина упирался. Он вжимал голову в плечи, хватался за ножку стола и никак не желал отдаваться ни музыке, ни своей даме.

– Девушка! – ринулась к паре Маша, но ее успела перехватить Валентина.

– Ты сейчас спугнешь состоятельную клиентку, – зашипела она на невестку. – Сиди уже, горе мое, я сама.

Она неторопливо поднялась, поправила на себе сарафан.

Брякнула бусами и поплыла к столику мужа.

– Моня, друг мой, отцепись от скатерти, – рыкнула она за спиной супруга. – Девушка просит уделить ей внимание.

Голова Мефодия Сидоровича обреченно дернулась, и он стал медленно поворачиваться на голос, не ожидая от судьбы ничего утешительного.

– Валюша, рыб... кха... рыбка моя... – проблеял мужчина, завидев жену. – И ты тут?

– Да, Моня, так случилось, – уверенно уселась за стол мужа дама и рявкнула на весь зал: – Маша! Иди к нам! Здесь уже принесли салаты!

Спутница Мефодия Сидоровича, похоже, не слишком обрадовалась госте.

– Моня, а это кто? – капризно скривила она губки.

– Будьте любезны называть Мефодия Сидоровича по имени-отчеству! – подроспела Маша. – Простите, а вы кем ему приходитесь?

– А вы? – кокетливо склонила голову младая прелестница.

– Нет уж, сначала вы представьтесь, – сощурила глаза Маша.

– Я – подруга Мони, – весело ответила девица.

– А я его невестка! А вот это его... – Маша гордо задрала подбородок, – это его жена!

– Фу, как уныло, – перекривилась девчонка. – Жена, невестка... Вы бы еще маму вспомнили. У нас с Мефодием легкие, непринужденные отношения. Вот сегодня мы зашли

в «Пингвин»...

– А почему именно в «Пингвин»? – заинтересовалась вдруг Валентина. – Здесь кухня хорошая, да? А я вот попробовала у вас этот салатик... чего-то он мне... не показался... и вот этот...

Валентина беззастенчиво тыкала вилкой в тарелки с салатами и сосредоточенно жевала.

– Да что вы?! – возмутилась девушка Мефодия Сидоровича. – Это ужасный набор продуктов! Нам это подали как «Цезарь», но это не «Цезарь»!

– Действительно, – кивала Валентина. – Где ж здесь цезарь? Обыкновенный салат.

– А вот это! – забыла про Машу девица. – Это, по-вашему, что? Они же даже обычный оливье умудрились испортить! Это же невозможно есть!

– Да? – захлопала ресницами жена Мефодия Сидоровича. – А я чего-то ничего... съела... Моня, не вздумай лезть туда вилкой! Девушка сказала, что это есть нельзя, а у тебя несварение! Девушка, а что бы вы на стол поставили?

Девушка уже закатила глазки, собираясь продиктовать меню, но к столику подошел детина с Боникой на руках.

– Вот! Забирайте своего зверя! – с негодованием сунул он в руки Валентины Адамовны собаку. – Она же просто... просто невменяемая! Она мне все брюки порвала!

– Да полно вам, – отмахнулась от него женщина. – Не видите – мы заняты! Посидите с собачкой еще полчаса, нам

еще нужно кое-что обсудить! А сюда с животными нельзя.

– Я уже договорился, пусть будет, – махнул рукой дети-на. – Только если она тут все переломает, платить сами бу-дете, ясно?

И он решительно направился на свое рабочее место.

– Ой, какая симпатяшка! – заверещала блондинка. – А можно я ее подержу?

– Вам же сказали, она невменяемая, – прошипела Маша. – Оставьте собаку в покое.

– Машенька, ну пусть девочки поиграют, – расцвела Ва-лентина. – Машенька, а мы себе закажем еще мороженого, а?

– Я не буду, от него фигура плывет, – обиженно надула губы Маша. – И вообще, мне уже домой пора. Если уж у вас тут такая веселая компания, не буду вам мешать.

– Ну что ты придумываешь? – лучилась свекровь. – Кому ты тут мешаешь? Кстати, если поедешь домой, забери Ме-фодия Сидоровича, ему завтра рано на работу... Так вы хо-тели рассказать про салаты...

Все-таки домой уехали все вместе. Правда, Маше вме-сте с Мефодием Сидоровичем пришлось очень постараться, чтобы оторвать Валентину от стола, дама согласилась ехать только при одном условии – они сейчас же заедут в магазин и купят картины!

Всю дорогу Мефодий Сидорович держал на руках Бонику, теребил ей уши и прятал глаза от родственников.

– Моня! Какая славная девочка! – щебетала Валентина. –

Ей нужен новый унитаз?

– Зачем? – испуганно заморгал Мефодий Сидорович. – Ей-то зачем?

– Ну как же, а для чего она тогда тебя пригласила в этот «Пингвин»? – фыркнула супруга. – Чтобы сразить тебя своей неземной красотой, а потом всю оставшуюся жизнь лечить твою пупочную грыжу?

– Валюша! – покраснел муж. – Это... это моя клиентка. И... да! Ей-таки нужен унитаз!

– Машенька, ну и стоило так переживать? Я ж тебе сразу сказала! – свысока глянула на невестку свекровь. – Ой, девочка, не знаешь ты мужчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.